УДК 82.091

Иванова Ирина Николаевна

ПРОЗА ФИГЛЯ-МИГЛЯ: ПОЭТИКА ЦИНИЗМА

Статья посвящена анализу тенденций развития современной отечественной прозы. Автор обращается к литературному и социокультурному контексту постмодерна и пост-постмодерна. Основная идея: тотальное разочарование в любом типе дискурса может быть вполне продуктивным в творческом смысле, создает особую поэтику интеллектуального цинизма.

Ключевые слова: современная проза, постмодернизм, ирония, интеллектуальный цинизм, антиутопия.

Ivanova Irina N.

FIGLEY-MIGLEY'S PROSE: POETICS OF CYNICISM

The article is devoted to the analysis of the modern Russian prose development tendencies. The author refers to the literary and socio-cultural context of postmodernism and post-postmodernism. The main idea is that total disappointment in any type of discourse may be quite productive in creative sense and creates specific poetics of intellectual cynicism.

Key words: modern prose, postmodernism, irony, intellectual cynicism, anti-utopia.

Современная российская проза представляет собой очень пестрое и крайне неоднородное явление. В ее стилистическом, эстетическом, идейно-философском и жанровом разнообразии сложно разобраться без проводника или «навигатора», одним из которых, на наш взгляд, может служить процесс присуждения произведению литературных премий, а также полемика литературоведов, критиков и читателей вокруг вошедших в шорт-листы текстов. Литературные премии, разумеется, не являются единственным ориентиром для интересующихся актуальной литературой, однако позволяют выявить тенденции ее развития, определяющие текущий литературный процесс, обусловленные современным социокультурным контекстом и, в свою очередь, влияющие на него.

Одним из самых ярких литературных событий ушедшего 2013 года стало присуждение премии «Национальный бестселлер» роману «Волки и медведи» автора, пишущего под псевдонимом Фигль-Мигль, – продолжению вышедшего тремя годами ранее и также вошедшего в шорт-лист «Нацбеста» романа «Щастье». Решение жюри, удивившее многих (лидером списка до последнего момента считался Максим Кантор с романом-эпопеей «Красный свет»), на наш взгляд, во многом обусловлено не столько талантом автора, спрятавшегося под странным псевдонимом, сколько изменившимся за последние два-три десятилетия представлением о том, что такое литература, каковы ее цели и задачи, ее роль в обществе. Эпоха постмодерна привела к радикальной смене культурных парадигм, и нельзя не заметить, что литература давно уже перестала быть «учебником жизни», каковой всегда являлась в России, превратившись для большинства читателей либо в средство развлечения, либо в интеллектуальную игру «для своих». Принимаемая всерьез «большая традиция» классики, конечно, не исчезла: преданность ей демонстрирует, например, православная или почвенническая литература, или, по-своему, так называемый «новый реализм». Однако интеллектуальную моду, кажется, диктуют тексты типа дилогии Фигля-Мигля – постмодернистские (или постпостмодернистские), игровые, насквозь цитатные, филологические, ультраироничные, очень «петербургские», очень «для своих».

Уже принятый автором (некогда выпускницей филфака петербургского университета) псевдоним, возмутивший одних и восхитивший других читателей и критиков, говорит о многом: вот вам «пощечина общественному вкусу», вот мое отношение к литературе и священной миссии писателя – инженера человеческих душ. Литература превращается в «фигли-мигли», и было бы странно требовать от нее «разумного, доброго, вечного»: собственно художественный дар, в принципе, может быть заменен филологической эрудицией и естественным для филолога умением создавать качественные тексты. К произведениям Фигля-Мигля сложно отнестись равнодушно: они или вызывают отторжение какой-то удивительной пустотой при огромной концентрации «культуры» на единицу площади текста, или восхищают – при условии полного принятия предложенных автором правил игры.

На наш взгляд, обаяние этого текста – а оно, безусловно, присутствует и притягивает читателя – в его особой поэтике, которую мы бы назвали поэтикой цинизма, разумеется, в философском, а не бытовом смысле этого слова. В данном случае под интеллектуальным цинизмом мы понимаем абсолютно релятивистскую позицию автора, делегируемую главному герою, своего рода «плаваю-

щую» радикальную иронию, принципиально не желающую никакого твердого мировоззрения, принимающего за истину единственную картину мира. Цинизм – критика «с точки зрения отсутствия точки зрения» [1, с. 16]. Центрирующий повествование герой – Разноглазый – уже самим именем заявляет, кроме принадлежности к особому клану, об этой своей способности смотреть на любую систему «разными глазами». Сталкиваясь с разными «убежденными» людьми и типами риторики, Разноглазый вызывает озлобление и тайную зависть своей абсолютной внутренней свободой, отсутствием привязанности к чему-либо или кому-либо, способностью мгновенно обнаружить уязвимость и ограниченность позиции собеседника.

По меткому замечанию современного теоретика цинизма П. Слотердайка, «там, где речь заходит о ценностях, в игру всегда вмешивается цинизм; тот, кто радикально отстаивает одну шкалу ценностей, автоматически превращается в циника по отношению ко всем остальным – явно или неявно» [1, с. 154]. Но цинизм Разноглазого идет дальше: своей духовной или идеологической системы ценностей, дорогого и заветного, за что можно отдать жизнь или хотя бы пожертвовать своими интересами, у него нет.

Разноглазый соединяет в себе два традиционных типа литературного героя, обычно не сочетаемых в принципе. Первый – собственно «герой», сдержанный и немногословный, воин, разведчик, профессионал, сталкер, мужественный и простой, не слишком образованный и утонченный, недолюбливающий рефлектирующих «умников». Второй – как раз «умник» и эрудит, моментально опознающий философские цитаты, не уступающий любому интеллектуалу, которыми изобилует повествование (тому же Фиговидцу, или Аристиду Ивановичу, не говоря уже о Канцлере), остроумный и ироничный, что сбивает с толку собеседника, уже записавшего его мысленно в первый тип. Однако в первый его «не пускает» непонятно откуда взявшаяся, сюжетно не мотивированная и не положенная по чину интеллектуальность, а во второй – полное отсутствие рефлексии и положенного интеллигенту традиционного гамлетизма.

Разноглазый, как подлинный циник, стремится «полностью поставить себя под защиту иронии» [1, с. 15]. К нему в полной мере можно отнести определение европейского теоретика цинизма: «Современный циник – это интегрированный в общество антиобщественный тип» [1, с. 32]. Он говорит мало (зато, если заговорит, – мало не покажется), не любит обсуждать метафизические вопросы и вообще говорить «о возвышенном». Окружающие считают, что ему интересны только деньги и профессиональная репутация как источник денег – и не слишком ошибаются. Все попытки окружающих залезть к нему в душу (отнюдь не загадочную, как у романтического героя, а простую и вполне прозрачную) Разноглазый пресекает как настоящий циник, причем искренне и без тени рисовки. Бог для него – «кажется, что-то, связанное с Армагеддоном». На вопрос «А во что верите вы?» герой отвечает: «Даже не знаю. < … > В последний раз подобный вопрос мне задал человек, который был готов говорить о чем угодно, лишь бы не смотреть на свой вспоротый живот» [3, с. 23]. На вопрос «А тебе что нужно для счастья?» следует ответ: «Крепкий, здоровый и продолжительный сон» [2, с. 98]. А вот оценка героя коллегой: «Совесть… Где место совести в твоем раскладе? – Ну, и где? – Он ответил общеизвестной присказкой и счастливо хихикнул» [2, с. 214]. Кроме денег, Разноглазого интересует секс, но ни в коем случае не любовь, которой он не понимает и не признает, о чем вполне хладнокровно сообщает своим женщинам. «У нас была связь, потом она сказала, что я разбил ей сердце, еще потом – что погубил. Теперь она решила, что умирает… В любом случае, пока она умирала, я ее навещал, если мне было по дороге» [3, с. 13]. Даже с наиболее интересной героиней, стервозной красавицей Лизой, такой же непробиваемой и циничной и, казалось бы, близкой ему по духу, герой фактически ничего не чувствует.

Оригинальность и синтетичность Разноглазого как центрального героя, главного, но не единственного носителя цинической парадигмы, является, на наш взгляд, результатом скрещения сразу трех жанровых поэтик – поэтики романа-мениппеи, антиутопии и массовой литературы (боевики из книжных серий типа «Сталкер»). Первая требует героя-интеллектуала, ведущего философские диалоги с адекватными ему собеседниками. Вторая – настоящего героя, противостоящего обществу и пытающегося его разрушить. Третья предполагает «крутого мужика», который стреляет прежде, чем думает. По внешней форме «Щастье» и «Волки и медведи» – антиутопии, по внутренней структуре – ничего похожего. Фабула романа напоминает сразу несколько современных антиутопий (Петербург разделен на изолированные районы-государства, Россия и весь остальной мир словно отсутствуют). О сходстве с «Метро 2033» Д. Глуховского упоминал сам автор, мы бы вспомнили еще «Хлорофилию» и «Живую землю» Рубанова, возможно, «Кысь» Толстой, «Сахарный Кремль» и «Теллурию» Сорокина. (Правда, все они – на материале московского, а не петербургского мифа.) Оба романа – и «Щастье», и «Волки и медведи» – внешне строятся на мотиве «большой дороги»:

трудный путь Разноглазого и других персонажей в Автово (цель – получение наследства одним из героев и небескорыстная помощь других); разведывательная экспедиция в Джунгли по поручению Канцлера с Разноглазым во главе.

Однако оба путешествия совершенно не придают повествованию никакой интриги и динамизма, а лишь как-то структурируют его и служат предлогом для столкновения ценностных систем и дискурсов, представляемых разными героями, встречающимися на пути. Читателю совершенно неинтересно, достигнут ли герои своей цели, и они сами, кажется, часто забывают, зачем они здесь. Слишком очевидно, что романы написаны не для этого. Нет никакой борьбы добра и зла, нет даже самих добра и зла как таковых, разве что в разговорах героев: слишком разные представления у них о добре и зле. Нет и необходимого для антиутопии противостояния героя тоталитарному обществу. Разноглазый – необходимый член общества (он избавляет убийц от привидений убитых, которые могут свести с ума и утащить на «ту сторону»); Фиговидец и остальные его спутники отнюдь не собираются переделывать мир (кроме Канцлера). Даже анархисты, вполне симпатичные ребята, по определению непримиримые противники власти, не слишком активно с нею борются и рассуждают не как революционеры, а как циники: «На тот случай, если ты не спешишь вписаться в общество, общество само тебя в себя впишет» [3, с. 148].

Собственно, из всех мини-обществ, идеологий и систем, с которыми сталкиваются Разноглазый и его разношерстная компания циников, некоторое уважение и симпатию автора и героя вызывают лишь три. Это анархисты (если они искренни и готовы отдать жизнь за убеждения, как Кропоткин), православные монахи, точно знающие, зачем живут, и государственники, главный из которых – Канцлер, фигура трагическая и вызывающая сочувствие даже Разноглазого. Однако основные герои – это целая галерея разнообразных циников, и автору явно интереснее наблюдать за их интеллектуальными поединками и столкновениями с «простыми» людьми, с «цветущей сложностью» пестрой реальности этой псевдо-антиутопии.

Второй по значимости в сюжете «Щастья» и «Волков и медведей» персонаж – Фиговидец, типичный для своего времени интеллигент, злая и очень смешная пародия на интеллигента классического. Собственно, интеллигенция, особенно гуманитарная, как-то виновата в случившейся катастрофе, приведшей Петербург к нынешнему состоянию (какой именно, и почему виновата, читатель так и не узнает, но интеллигенция виновата всегда). Интеллигентов в этом обществе называют фарисеями и отнюдь не переоценивают: «Фарисеи, посвятившие себя гуманитарным наукам, умели только читать, писать и презирать. Их отцы и прадеды тоже читали, писали и презирали» [3, с. 21]. Теперь, хотя новое общество сохранило университеты, науку, литературу и т.п., все это, в сущности, никому уже не нужно, сохраняется по инерции, как пресловутая «петербургская культура», традиция, которую «узнают по идиотизму». Деятельность гуманитарной интеллигенции описывается Фиговидцем следующим образом: «Одни – фиговидцы. Мы вынимаем из книг, как из шкатулки с двойным дном, потайные смыслы, при этом… вытащить можем не то, что там лежало, а то, что у нас в рукаве… Другие – духожоры. Они препарируют смыслы, лежащие на поверхности. Расчленяют, перекладывают, сшивают наново – так, что получается уже не смысл, а концепция. Что то надругательство, что это, но разница все же есть» [3, с. 49]. Модой в среде интеллектуальной элиты и связанных с ней «пижонов» является веселый гедонистического типа цинизм. «И у тех, и у других существовал культ злых шуток, меткой издевки… писали как жили: изящно, весело и коротко» [3, с. 42].

Что же касается великой культуры, наследниками которой становятся разнообразные «фиговидцы», то она постоянно присутствует в воздухе, который тут, по словам одного из персонажей, «не просто воздух, а воздух культуры». Гуманизм, например, входит в риторику большинства персонажей, но понимается своеобразно. «Бей людей по рукам сразу, чтобы не пришлось их убивать потом», говорил Аристид Иванович, когда почему-либо находил в себе силы быть продолжателем гуманистических традиций» [3, с. 251]. Слово «святыни», неосторожно произнесенное Фиговидцем в неподходящей компании, повторяется присутствующими с омерзением и презрением. «Сталкер … так и плюнулся торжественным словом, сумев испохабить его, как будто именно на него и плевал» [3, с. 180]. Сам Фиговидец не в состоянии защитить – даже для себя! – собственные святыни, и весь его путь в компании Разноглазого и других – цепь крушений и разочарований в последних попытках удержать что-то из «святынь».

С особо циничным остроумием автор изображает общение интеллигента Фиговидца с народом – тем самым, для которого интеллигент классический жертвует жизнью, испытывая необходимый ему «по должности» комплекс вины. И если кто-то имеет право цинично заметить: «Мы страшно далеки от народа и хотим быть еще дальше» [3, с. 207], то Фиговидец по старой культурной памяти мечтает приобщиться к народу, ходит за «народом» с тетрадкой, куда записывает

«фольклор», пытается, к восторгу попутчиков, надеть ватник, чтоб сойти в среде «народа» за своего («народ» таких ватников не видел никогда). Встреча Фиговидца и подлинного «народа» завершается страшным разочарованием героя в последнем и самом заветном культурном мифе. Оказывается, народ – Чуня, Гуня, Сысойка и им подобные – отнюдь не богатыри и творцы великого эпоса, а «гнильно-убогие существа», настоящие животные, повторяющие бессмысленные слова для «барина». «А мы уж так… всем обчеством. Соборно то ись» [2, с. 87]. «Ой, чиво мы тут намутим без барского догляда!.. – бодро отозвалась деревня» [2, с. 88]. Вывод Фиговидца, втайне надеявшегося хоть здесь найти нечто настоящее, на что можно опереться в океане цинизма: «Здесь нет ни души, ни религии, ни истории» [2, с. 94]. Потому даже топор в голове убитого крестьянами чужака автор называет «росчерком иронии», словно подписавшейся под этим приговором.

Но и сам Фиговидец, и другие персонажи, кроме Разноглазого, не выводятся автором из зоны иронии. Цинизм – оружие обоюдоострое, и почти все его носители становятся не только субъектом, но и объектом чьей-то иронической издевки. Так, Канцлер Николай Павлович, олицетворение государственной необходимости, порядка, закона, т.е. вынужденного насилия, определяет Фиговидца и ему подобных безжалостно: «Люди вашего разбора вечно пытаются выдать трусость за милосердие, а милосердие – за справедливость. И длят игру в слова, не желая решать, под чьими они наконец знаменами» [2, с. 70]. Интеллектуальная свобода, ведущая к радикальному цинизму, уклонение от реальности, нежелание никакой «ангажированности» могут обернуться банальной трусостью. (Впрочем, и сам Николай Павлович не чужд цинизма особого рода – государственного, цинизма власти: «Я никогда не делаю ненужного зла» [2, с. 57].)

То, что для Фиговидца «вечная борьба богов и необходимость между ними выбирать», поскольку «самые серьезные жизненные позиции принципиально несовместимы», то для Канцлера и даже для Разноглазого, видящего все слабости своего приятеля-интеллектуала, – просто малодушие и страх. Фарисей, конечно, пытается защититься, сформулировать красивую философскую позицию циника-интеллектуала: «Я просвещенный. То есть обученный аккуратно и по обстоятельствам чередовать взаимоисключающие практики… В конце концов, релятивизм – тоже серьезная жизненная позиция» [2, с. 71]. Однако люди монологического типа дискурса, то есть имеющие четкую систему убеждений и служащие своему делу (пусть даже это ведет к духовной ограниченности) часто выигрывают в сравнении с Фиговидцем, причем даже в его глазах.

Показателен диалог Фиговидца с монахами, представляющими в этом безрелигиозном мире едва ли не единственный островок незыблемых ценностей и ясного понимания смысла жизни, противостоящий любому типу цинизма. Монах Иосиф говорит Фиговидцу: «Дурью маешься, Божья тварь. Кобенящийся дух в тебе играет. Не хочешь жить, не хочешь в глаза смотреть, не хочешь ни за что отвечать» [2, с. 125]. Циник способен вывести из себя даже смиренного монаха, неожиданно переходящего на чужой для него язык: «Господи, Твоя воля, до чего мутный парень!» [2, с. 127].

Даже люди убежденные, люди одной идеи часто сами не видят, как превращаются в циников по отношению ко всем остальным ценностям. Так, любовь к Родине и искреннее служение ей приводят персонажей типа Гремы или Плюгавого к откровенному пренебрежению людьми, эту Родину населяющими, и опять-таки цинизму, уже «государственному», просто более примитивному, чем у шефа Николая Павловича: «Сами велели на словах убеждать. А словом-то чего сделаешь? Человек же, скотина, разве Родину из-за слов любит? Нет, человек тогда Родину любит, когда Родина его за печенку пощупает, чтобы память в ней осталась» [2, с. 20]. «Народ? Да на хрена Родине такой народ?». Лозунги же, висящие в местном отделении милиции, – просто квинтэссенция цинизма: «Свобода воли вредит вашему здоровью» [2, с. 37].

Помимо Разноглазого и Фиговидца, дилогия Фигля-Мигля представляет целую галерею разнообразных типов циников. Таков, например, старый профессор Аристид Иванович, ненавидимый всеми, кто его знает, но и восхищающий своих недоброжелателей желчным умом и ледяной интеллектуальной свободой. Именно он формулирует великую истину цинизма, с которой не может не согласиться Разноглазый: «В споре выигрывает не тот, кто прав, и не тот, кто громче кричит. Последнее слово всегда за тем, кому все равно» [3, с. 44]. Таков навсегда раненный собственной болезненной иронией Алекс: «Он позировал и высмеивал свою позу (вот человек стоит над пропастью, вот заглядывает в пропасть) – и все же, наверное, поза была правдой» [3, с. 232]. Таков простонародный вариант циника контрабандист Дроля, который «если захочет, таблицу умножения наизнанку вывернет и докажет, что так и было» [2, с. 132], персонаж «на крыльях гаерства и садизма, не обремененный балластом долга, вины, сострадания» [2, с. 129]. Таковы, наконец, все представленные в романе литераторы – блестящая пародия на современное состояние литературы. А возможно, отчасти и самопаро-

дия: «Платежная ведомость – вещь посильнее Пушкина. Вопросы «Кто с кем?», «За чей счет?» и «Сколько?» трепещут уж поживее вопроса «Что хотел сказать автор своим сочинением?», тем более что говорящие по себе хорошо знали, чего авторы в принципе могут хотеть» [2, с. 442].

Литература

1. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009.
2. Фигль-Мигль. Волки и медведи: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К.Тублина», 2013.
3. Фигль-Мигль. Щастье. Роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К.Тублина», 2013.

УДК (038) 811.161.1

Илагаева Гозель Орозбаевна

О СООТНОШЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА

Статья посвящена исследованию синтеза лингвистической и энциклопедической информации в толковом словаре. Данный принцип показан на примере «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Проиллюстрированы основные способы выражения лингвистической и энциклопедической информации в словаре Д.Н. Ушакова. Подчеркивается значение подобного рода словарей для развития таких областей лингвистики, как лингвокультурология, философия и социология языка, лингвистическая география, лингвистическая биология и т. д.

Ключевые слова: лингвистическая информация, энциклопедическая информация, синтез лингвистической и энциклопедической информации, элементы энциклопедизма, идеологизация лексики.

Ilagaeva Gozel O.

ON THE RELATION BETWEEN LINGUISTIC AND ENCYCLOPEDIC INFORMATION IN THE «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE» EDITED BY D. N. USHAKOV

The article investigates the synthesis of linguistic and encyclopedic information. This principle is illustrated by the example of "ExplanatoryDictionary of the Russian Language" edited by D.N.Ushakov. The basic ways of expressing linguistic and encyclopedic informationin the dictionary by D.N.Ushakov are illustrated. The article emphasizes the importance of such dictionaries for the development of such areas of linguistics as cultural linguistics, philosophy and sociology of language, linguistic geography, linguistic biology, etc.

Key words: linguistic information, encyclopedic information, the synthesis of linguistic and encyclopedic information, elements of encyclopedism, ideologisation of vocabulary.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) заслуживает в лексикографии особого внимания. Он имеет большое историческое значение, так как сумел отразить язык времени, жизнь людей первой половины XX века. В статье «От редакции» к данному словарю отмечается, что «новый «Толковый словарь русского языка есть словарь филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари» [6, с. 11]. Несмотря на это указание, в словаре присутствуют элементы и лингвистического и энциклопедического толкований. В энциклопедии «Русский язык» (1979) отмечается возможность «взаимосближения» энциклопедических и лингвистических словарей: «Два противопоставляемых типа словарей (энциклопедический и лингвистический) на практике имеют тенденцию к взаимосближению. Так, нередко в толковых словарях наблюдаются элементы энциклопедизма (особенно это характерно для словарей иностранных слов), что вызвано, в частности, необходимостью достаточно точного определения терминологии, широкого проникающей из областей специальной лексики в общее употребление. С другой стороны, в энциклопедические издания включаются статьи лингвистического типа, имеющие целью объяснить значение заимствованного слова безотносительно к истории предмета или понятия» [4, с. 302].

Лингвистическая информация, обнаруживаемая в данном словаре, включает: 1) орфоэпическую зону, в которой указано произношение слова; 2) грамматическую зону, в которой